

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-89-129

Научная статья / Research paper

Р.А. Алиев*

ПОЛИТИКА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И ОПЫТ ПРИКАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, 76*

Наблюдаемое в последние десятилетия укрепление международных позиций стран Глобального Юга выражается, в частности, в том, что они всё чаще открыто ставят под вопрос справедливость существующего мирового порядка. Не стала исключением и проблематика энергетического перехода, в рамках которой всё большее внимание уделяется структурным дисбалансам существующей энергетической системы. В этом контексте в политическом и академическом дискурсах широкое распространение получила концепция «энергетической справедливости», указывающая на необходимость формирования такой глобальной энергетической системы, которая справедливо бы распределяла выгоды и издержки между акторами и обеспечивала бы представительное и беспристрастное участие всех стран в принятии ключевых решений. В данной статье предпринята попытка оценить эпистемологический потенциал указанной концепции при изучении вопросов межгосударственного энергетического сотрудничества в конкретном регионе. В качестве кейса был выбран Прикаспийский регион, который, с одной стороны, является важным элементом современной энергетической архитектуры, а с другой стороны, характеризуется

* Алиев Руслан Аллахверди оглы — кандидат экономических наук, руководитель Комиссии по устойчивому развитию и экологии Российской ассоциации развития Организации Объединенных Наций, Чрезвычайный и Полномочный Посланник 2-го класса, докторант МГИМО МИД России (e-mail: torgpredaz@gmail.com).

сложным переплетением интересов региональных и внерегиональных игроков, усугубляющим и без того острые противоречия между императивами энергоперехода и соображениями социально-экономической стабильности и экологической безопасности. В первом разделе статьи подробно рассмотрен процесс становления концепции «энергетической справедливости», выявлены ее ключевые измерения (распределительное, процедурное и справедливость признания) и особенности ее использования при изучении вопросов производства и потребления энергии. Во втором разделе данная концепция применена для анализа энергетической политики прикаспийских государств и механизмов их взаимодействия в контексте глобального энергоперехода. Автор подчеркивает, что хотя апелляция к идее энергетической справедливости и акцентирует общность интересов и взаимозависимость прикаспийских государств, в то же время она может выступать средством легитимации и продвижения коммерческих и геополитических интересов западных финансовых институтов и правительств. В этом смысле обращение к языку «энергетической справедливости» и «справедливого энергоперехода» оказывается не только нормативной рамкой, но и инструментом межгосударственного политического соперничества. В целом применение аналитической линзы энергетической справедливости позволяет подсветить новые важные элементы и аспекты энергетического сотрудничества прикаспийских стран и в то же время показывает, что энергетическая справедливость — это не абстрактный идеал, а необходимое условие устойчивого развития. Дальнейшее распространение и углубление принципов энергетической справедливости во всём мире позволит сделать глобальный энергопереход более инклюзивным, а энергетику — более гуманной и ответственной сферой человеческой деятельности.

Ключевые слова: энергетическая справедливость, энергетический переход, энергетическая политика, Прикаспийский регион, энергетическая безопасность, экологическая справедливость, устойчивое развитие

Для цитирования: Алиев Р.А. Политика энергетической справедливости: теория, практика и опыт Прикаспийского региона // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 4. С. 89–129. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-89-129.

Ruslan A. Aliyev

**ENERGY JUSTICE POLICY:
THEORY, PRACTICE
AND EXPERIENCE OF THE CASPIAN REGION**

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454*

In recent decades, the strengthening of the international positions of Global South countries manifested itself, particularly in their growing willingness to question the justice of the existing world order. The energy transition agenda is not immune to this trend, with growing attention being paid to the structural imbalances of the existing energy system. In this context, the concept of 'energy justice' has gained currency in both political and academic discourses. The concept highlights the need to develop a global energy system that fairly distributes benefits and costs among actors and ensures representative and impartial participation of all countries in key decision-making. This article assesses the epistemological potential of this concept for studying interstate energy cooperation in a specific region. The Caspian region was chosen as a case study due to its crucial role in the modern energy architecture and a particularly complex interplay of interests between regional and external actors, exacerbating already acute contradictions between the imperatives of the energy transition and considerations of social-economic stability and environmental security. The first section of the article examines the development of the 'energy justice' concept, identifies its key dimensions (i.e., distributive, procedural, and recognition justice), and outlines the specifics of its application in studying energy production and consumption issues. In the second section, the author applies this concept to examine the energy policies of the Caspian states and their interaction mechanisms within the context of the global energy transition. The author emphasizes that the energy justice concept, while highlighting the common interests and interdependence of the Caspian states, can serve as a cover for promoting the commercial and geopolitical interests of Western financial institutions and governments. In this regard, the discourses of 'energy justice' and 'just transition' act not only as a normative framework but also as a tool of interstate political rivalry. In general, the energy justice conceptual framework highlights new important elements and aspects of energy cooperation among Caspian countries and, at the same time, shows that energy justice is not an abstract ideal but a necessary condition for sustainable development. The further dissemination and deepening of energy justice principles worldwide would make the global energy transition more inclusive and the energy sector a more humane and responsible sphere of human activity.

Keywords: energy justice, energy transition, energy policy, Caspian region, energy security, environmental justice, sustainable development

About the author: *Ruslan A. Aliyev* — PhD (Economics), Head of the Commission on Sustainable Development and Ecology of the United Nations Association of Russia, Envoy Extraordinary and Plenipotentiary, 2nd Class; Postdoctoral Student, MGIMO University (e-mail: torgpredaz@gmail.com).

For citation: Aliyev R.A. 2025. Energy justice policy: Theory, practice and experience of the Caspian region. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 4, pp. 89–129. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-89-129. (In Russ.)

Энергетическая справедливость — это концепция, описывающая и объясняющая, каким образом вопросы справедливости связаны с функционированием энергетических систем. Сформировавшись на стыке теории социальной справедливости и экологической политики, данная концепция опирается на достижения многолетних исследований в области экологической справедливости [Sovacool, Dworkin, 2015: 436]. Начиная с 1970-х годов в этих исследованиях уделялось особое внимание проблемам неравномерного распределения экологических «зол» (например, отходов, загрязняющих производств) и борьбе малоимущих групп против диспропорционального экологического бремени [Bullard, 1999]. Развивая эту традицию, концепция «энергетической справедливости» фокусируется на том, как блага и издержки существующей энергетической системы распределяются между людьми и сообществами, кто и на каких основаниях участвует в принятии решений в энергетической сфере, а также чьи потребности и голоса признаются в этих процессах.

В широком смысле концепция «энергетической справедливости» предполагает формирование такой глобальной энергетической системы, которая справедливо распределяет выгоды и издержки энергетических услуг и обеспечивает представительное и беспристрастное участие всех стран в принятии ключевых решений [см. подробнее: Sovacool, Dworkin, 2015]. Переход к более справедливой энергетической политике требует не только учета проблем распределения (кто и что получает, где и почему), но и признания разнообразия потребностей уязвимых групп, а также создания более справедливых процедур их вовлечения в определение собственного энергетического будущего [Jenkins et al., 2016; McCauley, 2018]. Ины-

ми словами, энергетика рассматривается не столько в категориях ресурсов и технологий, сколько сквозь призму социальных отношений, прав и возможностей людей.

В рамках настоящего исследования обращение к концепции «энергетической справедливости» предполагает две возможные исследовательские задачи: (1) критически проверить ограничения и спорные аспекты этой концепции на материале конкретного регионального кейса; (2) использовать ее как аналитическую оптику для нового прочтения уже известных фактов и практик энергетической политики. В центре внимания автора находится вторая задача. Цель работы — показать, каким образом принципы распределительной, процедурной справедливости и справедливости признания могут быть продуктивно использованы для анализа межгосударственного энергетического сотрудничества в Прикаспийском регионе, и тем самым по-новому интерпретировать конфигурацию интересов, практик и конфликтов в политике «каспийской пятерки» в условиях глобального энергоперехода.

Обращение к кейсу Прикаспийского региона обусловлено сочетанием нескольких факторов. Во-первых, это один из ключевых ресурсных бассейнов Евразии с крупными запасами нефти и газа, сформировавшими специфический экспортно-сырьевой режим и развитую трубопроводную инфраструктуру. Во-вторых, регион является важным элементом глобальной энергетической архитектуры и одновременно пространством пересечения интересов России, других прикаспийских государств и внешних акторов. В-третьих, именно здесь особенно наглядно проявляются противоречия между задачами устойчивого развития, требованиями декарбонизации, сохранения социально-экономической стабильности и экологическими ограничениями Каспийского моря. Это делает прикаспийский кейс удобным полигоном для применения концепции «энергетической справедливости» к уровню регионального межгосударственного взаимодействия.

В российской науке указанная концепция пока используется эпизодически [см., например: Казначеев, 2022; Краснопёрова, 2023] и, как правило, в рамках дискуссий о климатической политике, Арктике и развитии возобновляемых источников энергии (ВИЭ) [см., например: Попова, 2025]; систематический анализ энергетической политики Прикаспийского региона отсутствует. В англоязычной литературе, напротив, сложился обширный корпус работ, посвя-

щенных энергетической справедливости, в которых изучаются энергетическая бедность, тарифная политика, размещение инфраструктуры, справедливый энергопереход и глобальное распределение экологических и социально-экономических издержек [см., например: Sikor, Newell, 2014; Healy et al., 2019]. При этом автор разделяет общий критический диагноз этих исследований относительно неравномерного распределения выгод и издержек существующей энергетической системы, но в меньшей степени сосредоточивается на ревизии теоретических положений и в большей — на проверке их объяснительного потенциала применительно к специфическому региональному контексту, где сочетаются элементы Севера и Юга.

Англоязычные исследования показывают, что энергетическая справедливость давно вышла за рамки локальной проблематики домохозяйств и сообществ и применяется к анализу транснациональных энергетических цепочек, экспортно-сырьевых режимов и глобального распределения ответственности за выбросы парниковых газов. Прослеживается, как решения о добыче, экспорте и развитии инфраструктуры в странах Глобального Юга генерируют *embodied energy injustices* — воплощенные трансграничные несправедливости, затрагивающие удаленные сообщества и экосистемы [Watts, 2004; Yenneti et al., 2016; Healy et al., 2019]. В этом контексте принципы энергетической справедливости используются для анализа не только внутрисударственных, но и межгосударственных отношений — от климатических переговоров и реализации Целей устойчивого развития до практики энергетического колониализма в глобальных топливных и зеленых цепочках поставок. Это создает теоретическое основание для переноса логики локальных измерений энергетической справедливости на региональный и глобальный уровни, в том числе применительно к таким трансграничным бассейнам, как Каспийское море.

Литература по энергетической политике прикаспийских государств в основном акцентирует вопросы безопасности, геополитики трубопроводов, конкуренции экспортных маршрутов и правового режима Каспийского моря. В центре внимания находятся стратегии внешних акторов, борьба за контроль над ресурсами и инфраструктурой, а также риски для региональной стабильности. При этом проблемы распределения выгод и издержек между странами и социальными группами, участия в принятии решений и признания асимметрий развития освещаются в меньшей степени. Научная но-

визна предлагаемого исследования заключается, во-первых, в переносе фокуса энергетической справедливости с локального и национального уровней на уровень регионального межгосударственного сотрудничества в Прикаспийском регионе; во-вторых, в интеграции подходов энергетической справедливости в анализ энергетической политики «каспийской пятерки» и внешнеполитической повестки России; в-третьих, в дополнении преобладающих интерпретаций в сфере геополитики и безопасности прикаспийской энергетики «перспективой справедливости».

Методологически статья опирается на качественный подход и использует *case-study* анализ Прикаспийского региона как пример применения концепции «энергетической справедливости» к межгосударственному сотрудничеству. Следуя типологии стратегий отбора кейсов Дж. Герринга [Gerring, 2006], автор рассматривает Прикаспийский регион как типичный кейс (*typical case*): он воплощает в концентрированном виде черты более широкого класса ресурсозависимых региональных энергоузлов Глобального Юга и полупериферии, проходящих через энергопереход при сохранении высокой роли экспорта углеводородов и уязвимости к экологическим рискам. Это позволяет использовать полученные наблюдения не как тест «на пределе» возможностей концепции, а как иллюстрацию ее эвристического потенциала в условиях, близких к «нормальным» для многих экспортно ориентированных энергорегионов.

В качестве основной аналитической рамки выступают три ключевых измерения энергетической справедливости: распределительное, процедурное и справедливость признания, которые последовательно применяются к оценке энергетической политики прикаспийских государств и форматов их взаимодействия. Эмпирическая база исследования включает анализ англоязычной и российской академической литературы по энергетической справедливости и энергетической политике Прикаспийского региона, официальных стратегических и программных документов прикаспийских стран, соглашений и деклараций, принятых в формате «каспийской пятерки», а также публичных выступлений и заявлений ключевых политических акторов. Методически используются сравнительный анализ стратегий прикаспийских государств, контент- и дискурс-анализ релевантных документов, а также интерпретативная реконструкция того, как в них имплицитно или эксплицитно артикулируются вопросы справедливости.

Структурно статья организована следующим образом. В первом разделе обсуждаются теоретические основания концепции «энергетической справедливости» и уточняется ее применимость к анализу регионального межгосударственного сотрудничества. Во втором разделе на основе выбранной рамки анализируются энергетическая политика прикаспийских государств и механизмы их взаимодействия в контексте глобального энергоперехода. В заключении подводятся итоги, формулируются выводы о перспективах справедливого энергоперехода в Прикаспийском регионе и о том, как российская повестка энергетической справедливости вписывается в более широкий международный контекст.

Концепция «энергетической справедливости»

Концептуальные истоки идеи энергетической справедливости тесно связаны с тремя обозначенными ранее измерениями социальной и экологической справедливости: распределительным, процедурным и справедливостью признания (*recognition justice*). Распределительная справедливость отвечает на вопрос «кто и что получает?» — применительно к энергетике это означает справедливое распределение благ (доступ к энергоресурсам) и бремени (затраты, негативные воздействия) между различными группами и регионами. Теоретической основой при этом служат классические идеи о справедливом распределении благ в обществе [Rawls, 1971]. Так, еще в первых исследованиях экологической справедливости выявлено, что экологические издержки, например свалки токсичных отходов или выбросы, непропорционально ложатся на бедные слои населения и меньшинства [см. подробнее: Bullard, 1999]. Аналогично в энергетике исследуется, не несут ли уязвимые группы повышенные издержки (например, высокие счета или вред от энергетической инфраструктуры) [Taylor, 2000].

Процедурная справедливость касается справедливости процессов принятия решений: кто имеет доступ к информации и участию в выработке энергетической политики, насколько прозрачны и инклюзивны эти процедуры [Agyeman et al., 2002]. В данном контексте важны вопросы власти и представительства: часто маргинализированные сообщества мало влияют на решения, хотя именно они могут сильнее других страдать от энергетических проблем (например, от строительства электростанции поблизости или от роста тарифов). Справедливость процедур предполагает устранение институцио-

нальных барьеров, мешающих людям влиять на условия, в которых они живут [Young, 1990]. В частности, это может означать проведение широких общественных консультаций перед реализацией энергетических проектов, доступность данных об экологических рисках, учет мнения местных жителей и групп риска при разработке программ энергоперехода.

Справедливость признания подразумевает уважение и учет социальных, культурных и экономических различий групп, испытывающих энергетическую несправедливость [Fraser, 1997]. Речь идет о признании уязвимых групп — по доходу, возрасту, этническому или гендерному признаку — и повышении видимости их проблем. В энергетическом контексте это означает, что политики должны признавать, например, особые потребности пожилых людей (которым нужно больше тепла), сельских жителей, испытывающих нехватку топлива, или меньшинств, традиционно исключенных из обсуждения энергостратегий. Принцип признания дополняет распределительные и процедурные аспекты: мало справедливо распределить ресурсы или допустить к обсуждению — важно еще и избавиться от предубеждений, стигмы и исключения, с которыми сталкиваются обделенные группы, в том числе целые народы и государства. Именно на этом принципе делают акцент Прикаспийские страны. Как отметил министр энергетики России: «Энергетическая справедливость — это доступность источников энергии и современных технологий для всех стран. Мы выступаем за отказ от навязывания всем странам единых правил, которые могут повредить экономике. Государства самостоятельно принимают решение, каким образом производить энергию, с учетом своих особенностей, запасов, ландшафта, климата, уровня развития технологий. Основная задача каждой страны — обеспечить население и промышленность дешевой энергией»¹.

Совокупно три указанных измерения образуют основу понятия энергетической справедливости. Переход к справедливой энергетике предполагает, что распределение благ и бремени энергетической системы должно быть справедливым; процедуры принятия

¹Сергей Цивилёв: «Энергетическая справедливость — это доступность источников энергии и современных технологий для всех стран» // Министерство энергетики Российской Федерации. 19.06.2025. Доступ: <https://minenergo.gov.ru/press-center/news-and-events?news-item=sergey-tsivilev-energeticheskaya-spravedlivost-eto-dostupnost-istochnikov-energii-i-sovremennykh-tekh> (дата обращения: 10.12.2025).

решений — инклюзивными и прозрачными; а разнообразие голосов — признанным и учтенным на практике. Эти принципы служат нормативными ориентирами при оценке любой энергополитики или проекта: от тарифных регулирований до строительства новой электростанции.

Концепция «энергетической справедливости» как самостоятельное направление сформировалась в 2010-е годы [Jenkins et al., 2016; Sovacool et al., 2016; McCauley, 2018] на волне расширения повестки экологической справедливости. Если изначально (в 1980–1990-е годы) экологическая справедливость была сфокусирована преимущественно на распределении экологических рисков (например, размещении свалок) и носила локальный характер, то со временем ее рамки значительно расширились [Schlosberg, 2013; Agyeman et al., 2016]. Сегодня в поле экологической справедливости входят самые разные темы — от доступа к зеленым насаждениям и чистой воде до изменения климата и энергии. Произошла, по выражению исследователей, горизонтальная диффузия дискурса справедливости (распространение на новые страны и сообщества) и его вертикальная эскалация — охват глобального уровня, транснациональных вопросов [Walker, 2009]. В этом контексте на передний план вышли энергетические проблемы [Sze, London, 2008: 1339].

Действительно, энергетика затрагивает и экологические, и социальные аспекты: с одной стороны, добыча и потребление топлива влекут экологические риски (загрязнение, деградация экосистем, изменение климата), с другой — доступ к энергии жизненно важен для благополучия людей и экономического развития. В этой связи справедливость в энергетике становится неотъемлемой частью более широких дебатов об экологической и климатической справедливости.

В рамках движения за климатическую справедливость энергетическая политика рассматривается как один из главных механизмов глобального перераспределения рисков и выгод. Центральным при этом является вопрос об «общей, но дифференцированной ответственности» государств за исторические и текущие выбросы парниковых газов и за уязвимость различных стран и регионов к последствиям климатических изменений. Развитые индустриальные государства Глобального Севера накопили значительную часть исторических выбросов и извлекли выгоды из углеродоемкого роста, тогда как самые тяжелые последствия — повышение уровня моря,

засухи, экстремальные погодные явления — в наибольшей степени затрагивают страны Глобального Юга и наименее защищенные группы населения [Schlosberg, 2004; Agyeman et al., 2016; Healy et al., 2019].

Это порождает вопросы не только о распределительной справедливости (кто и в какой мере должен сокращать выбросы, как справедливо распределить углеродный бюджет и климатическое финансирование), но и о справедливости процедур и признания: насколько развивающиеся страны и уязвимые сообщества реально включены в выработку глобальных и региональных климатических режимов, чьи голоса и интересы учитываются или игнорируются в переговорах [Walker, 2009; Schlosberg, 2013]. В работах по климатическому и энергетическому управлению это отражается в дебатах о правах и обязанностях государств, «ловушках управления» (*governance traps*), связанных с перекладыванием ответственности с правительств на отдельных потребителей и локальные сообщества, и об ограниченных возможностях последних влиять на структуру энергетических систем [Byrne, Portanger, 2014; Newell et al., 2015].

Таким образом, энергетическая справедливость приобретает выраженное международно-политическое измерение: энергетика перестает быть исключительно внутренним вопросом национальной политики и рассматривается как сфера, в которой государства несут ответственность перед другими странами и мировым сообществом за характер своего энергоперехода, экспортной политики и участия в глобальном управлении климатом. Исследования *embodied energy injustices* показывают, как решения о добыче и экспорте углеводородов в одних странах генерируют трансграничные экологические и социальные издержки в других, делая линии энергетического обмена важным каналом воспроизводства глобального неравенства [Watts, 2004; Healy et al., 2019]. В отношении таких регионов, как Прикаспийский, это означает, что обсуждение энергополитики неизбежно выходит за рамки национального уровня и включает вопросы справедливого распределения ответственности, выгод и рисков между прикаспийскими государствами и внешними потребителями их ресурсов.

Следовательно, концепция «энергетической справедливости» унаследовала от экологической широкий взгляд на проблемы неравенства, уязвимости и прав человека. При этом в центр внимания помещены энергетические системы — производство, распределение и использование энергии — как сфера, где пересекаются интересы

экономического развития, экологии и общества. Далее мы подробнее рассмотрим две ключевые области, в которых особенно остро проявляются вопросы энергетической справедливости: это справедливость при *потреблении энергии* (прежде всего, проблема энергетической бедности) и при *производстве энергии* (например, справедливость при размещении инфраструктуры и распределении выгод от энергопроектов).

Энергопотребление: доступность и ценовая справедливость. Одно из наиболее разработанных направлений исследований энергетической справедливости — это проблемы, связанные с обеспечением энергией по приемлемой цене домохозяйств и отдельных групп. В центре внимания здесь понятия *топливной и энергетической бедности*, а также более широкие концепции «энергетической уязвимости» и «неопределенности». Вопрос ставится так: насколько справедливо текущее распределение базового блага — энергии — среди населения, и не страдают ли некоторые группы от недостаточного или неоправданно дорогого энергоснабжения?

В развитых странах (Глобальный Север) укоренилось понятие «топливная бедность» (*fuel poverty*) — так в Великобритании с 1990-х годов обозначают ситуацию, когда семья не в состоянии должным образом обогреть жилье из-за низких доходов и низкой энергоэффективности дома [Boardman, 1991, 2010]. Традиционно домохозяйство считалось топливно бедным, если оно тратит более 10% своего дохода на поддержание адекватной температуры жилища. Проблему топливной бедности впервые начали осмыслять как форму социальной несправедливости в Великобритании в 1970–1980-е годы, а концептуально она была оформлена в работе Б. Бордман «Топливная бедность» (1991), где автор подчеркивала, что ситуация, когда домохозяйства вынуждены жить в холоде, что наносит вред здоровью и ведет к избыточной смертности, является морально недопустимой и требует вмешательства государства (например, через субсидии на оплату отопления и программы утепления жилья). Иными словами, факт, что часть населения не может позволить себе комфортное тепло, был осмыслен как нарушение базовой справедливости, вызванное сочетанием рыночных и инфраструктурных факторов, и потребовал коллективных мер по перераспределению ресурсов.

За последние два десятилетия исследования топливной бедности получили широкое развитие, особенно в Европе. Было показано,

что эта проблема имеет ярко выраженный социально-пространственный характер: наиболее уязвимы определенные группы (малообеспеченные, пенсионеры, инвалиды) и территории (депрессивные регионы, старый жилой фонд). К примеру, страны Восточной Европы сталкиваются с высокими уровнями энергетической бедности на фоне низких доходов и неэффективного жилья [Bouzarovski, 2014]. В то же время южноевропейские домохозяйства могут страдать от недостаточного охлаждения летом — проблема, становящаяся всё актуальнее с изменением климата [Nicholls, Strengers, 2018]. Исследования показывают, что топливная бедность — явление многомерное: помимо недостатка дохода влияют качество жилья, тип отопления, ценовая политика и даже культурные особенности (например, привычка экономии), поэтому для ее преодоления требуются комплексные меры: от повышения энергоэффективности домов до реформы тарифов и адресной социальной помощи.

Важно отметить, что сегодня исследователи не только говорят о распределительном аспекте (у кого хватает денег на тепло), но и рассматривают топливную бедность как проблему процедур и признания. Так, Дж. Уокер и Р. Дэй [Walker, Day, 2012] предлагают оценивать топливную бедность сквозь призму всех трех категорий справедливости: распределительно — вопрос недостатка ресурсов у определенных групп; процедурно — учитывается ли голос этих групп в энергетической политике (например, привлекаются ли они к обсуждению тарифов); с позиции признания — признаются ли их особые нужды (скажем, необходимость более высоких норм отопления для больных и пожилых). Такой подход углубляет понимание проблемы и подсказывает, что бороться с ней нужно не только с помощью финансирования, но и через расширение прав уязвимых групп, их вовлечение в разработку решений.

В странах развивающихся и переходных экономик (Глобальный Юг) более употребим термин «энергетическая бедность» (*energy poverty*), который обозначает ограниченный или отсутствующий доступ домохозяйств к современным, надежным и доступным по цене энергетическим услугам: электроснабжению, чистому топливу для приготовления пищи, отоплению и освещению [Kowsari, Zerriffi, 2011; Pachauri, Spreng, 2011]. В исследованиях подчеркивается, что энергетическая бедность тесно связана с более широкими структурами социального неравенства и пространственной маргинализации и выступает ключевым препятствием для достижения Целей

устойчивого развития (ЦУР №7) в Глобальном Юге [Bouzarovski, Petrova, 2015]. С одной стороны, проблема носит распределительный характер — энергетическое неравенство между странами и внутри них колоссально. С другой стороны, присутствуют и сложности с процедурами и признанием: бедные сообщества часто исключены из процессов планирования энергетической инфраструктуры, их знания и потребности игнорируются. Например, женщины в сельских районах развивающихся стран непропорционально страдают от энергетической бедности (они тратят время на сбор топлива, подвержены дыму от очагов), однако их голос редко учитывается при выработке энергостратегий [Clancy et al., 2007]. Следовательно, продвижение гендерного равенства и участия местных общин — тоже часть решения проблемы энергетической бедности.

Исследования показывают, что концепции «топливной бедности» и «энергетической бедности» во многом пересекаются, хотя возникли в разных контекстах. Современные авторы предлагают более широкие термины — *энергетическая уязвимость*, *энергетическая небезопасность*, *энергетическая нестабильность*, чтобы охватить различные проявления недостатка доступа к энергетическим благам [Bouzarovski, Petrova, 2015; Middlemiss, Gillard, 2015]. Например, понятие *энергетической уязвимости* фокусируется на факторах, делающих домохозяйство уязвимым к энергетическим потрясениям (рост цен, отключения), а *энергетическая нестабильность* подчеркивает неустойчивость положения, когда семьи балансируют на грани отключения электричества за неуплату. Эти подходы обогащают дискуссию о справедливости, показывая, что обеспечить одноразовый доступ недостаточно — важно гарантировать долговременную устойчивость энергоснабжения на равноправной основе.

Особенно остро вопросы справедливости в энергопотреблении проявляются сейчас в контексте энергетического перехода и климатической политики. С одной стороны, переход на ВИЭ и повышение энергоэффективности должны в перспективе снизить счета и улучшить доступ (например, за счет децентрализованной генерации). С другой стороны, меры по декарбонизации могут нести риски несправедливости, если затраты перекладываются на уязвимые группы потребителей. Например, введение зеленых надбавок к тарифам или углеродного налога может непропорционально ударить по бедным семьям, если не будут предусмотрены компенсации [Healy et al., 2019]. В странах ЕС всё более явно звучит повестка «справедливого пере-

хода» для потребителей: климатическая и энергетическая политика должна не усугублять, а сокращать энергетическую бедность, сочетая декарбонизацию с защитой уязвимых групп населения. В этом контексте обсуждаются и реализуются меры по субсидированию энергоэффективной модернизации жилья, введению социально дифференцированных тарифов, защите энергетически уязвимых домохозяйств и созданию целевых фондов для поддержки наиболее пострадавших регионов и категорий граждан [Bickerstaff et al., 2013; Bouzarovski, Petrova, 2015; Nealy et al., 2019]. Таким образом, справедливость в сфере энергопотребления остается актуальной политической повесткой, требующей постоянного поиска баланса между экологическими целями и социальными обязательствами государства перед населением.

Энергопроизводство и инфраструктура: политика справедливости. Второй крупный блок исследований энергетической справедливости фокусируется на политике энергетического производства, в первую очередь — на справедливости при размещении, строительстве и эксплуатации энергетической инфраструктуры. К этому блоку относятся вопросы: кто выигрывает и кто проигрывает от строительства электростанций, линий электропередачи (ЛЭП), трубопроводов; каким сообществам достаются выгоды (рабочие места, энергия), а каким — издержки (загрязнение, разрушение экосистем); как распределяются власть и участие в принятии решений о таких проектах. Исторически этот пласт вопросов вырос из исследований экологической справедливости, анализировавших размещение «нежелательных» объектов индустрии — заводов, мусорных полигонов, свалок, объектов с высоким уровнем загрязнения — в районах проживания бедных групп населения и расовых/этнических меньшинств. Именно в этом контексте был сформулирован принцип LULU (*locally unwanted land use*), отражающий практику территориального вытеснения опасных или неприятных объектов туда, где политические ресурсы и возможности для протеста минимальны [Bullard, 1999; Carruthers, 2007; Sze, London, 2008; Endres, 2009].

В интересующем нас аспекте к таким ситуациям относятся, в частности, размещение объектов атомной энергетики или добычи полезных ископаемых на традиционных территориях коренных народов без должной компенсации и полноценного согласия сообществ; конфликты вокруг строительства ЛЭП и ветряных парков

в сельских районах, где решения принимаются без учета позиции местных жителей.

Первое измерение распределительной справедливости в энергетической инфраструктуре — это географическое и социальное распределение выгод и вреда от энергетических проектов. Исследования показывают, что объекты энергетической инфраструктуры могут усиливать уже существующие социальные и пространственные неравенства. В Соединенных Штатах, например, опасные энергообъекты — нефтеперерабатывающие заводы, угольные электростанции и другие предприятия с высоким уровнем загрязнения — непропорционально часто размещаются в районах проживания расовых меньшинств и малообеспеченных групп населения, где ниже уровень доходов и образовательные ресурсы. Так, Д. Кэрразерс [Carruthers, 2007] отмечал проявления экологической несправедливости на американо-мексиканской границе, где загрязнение от промышленных и энергетических предприятий в наибольшей степени затрагивает бедные приграничные сообщества. Аналогично Д. Эндрес [Endres, 2009] показала, как дискурсы вокруг размещения хранилищ ядерных отходов в США игнорируют интересы местных жителей и конструируют их территории как своего рода «пустое пространство» для нежелательной инфраструктуры, тем самым закрепляя асимметрии власти и уязвимость этих сообществ.

Распределение экономических выгод от энергопроизводства тоже является предметом анализа. Крупные проекты — строительство гидроэлектростанций, нефтепроводов, ветропарков — приносят прибыль и энергоресурсы, но вопрос: кто получит эту прибыль и энергию? Если местному населению не обеспечен доступ к произведенной электроэнергии или не поддерживается местная инфраструктура, возникает ощущение несправедливости и эксплуататорского «энергоколонизализма» [Batel, Devine-Wright, 2017]. В ответ компании и власти всё чаще предлагают компенсации и льготы для сообществ, рядом с которыми размещаются объекты (так называемые *community benefits*), например отчисления в местный бюджет, дешевое электричество или социальные проекты. Однако в исследовании Г. Коуэлла и соавт. [Cowell et al., 2011] показано, что сами по себе финансовые выплаты не гарантируют принятия проекта местными жителями, если изначально подорвано доверие и не было учтено мнение сообщества. В конечном счете распределительная справедливость подразумевает, что риски и выгоды энергетиче-

ских решений распределяются соразмерно между территориями и социальными группами, а не таким образом, когда одни районы фактически становятся «энергетическими жертвами», тогда как другие преимущественно извлекают плоды развития.

Энергетические инфраструктурные проекты традиционно планировались технократами по модели «сверху вниз», однако сегодня признано, что отсутствие участия общественности ведет к конфликтам и ощущению несправедливости. Процедурная справедливость требует, чтобы затрагиваемые сообщества имели право голоса, доступ к информации и возможность повлиять на исход проекта. В демократических странах процедурная справедливость в энергетике реализуется, как правило, через механизмы участия: общественные слушания, процедуры оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) с участием населения, консультативные органы и форматы поиска консенсуса между ключевыми стейкхолдерами. В исследованиях подчеркивается, что качество этих процедур — реальная, а не формальная вовлеченность граждан, доступность информации, своевременность консультаций — существенно влияет на уровень доверия к энергетическим проектам и готовность местных сообществ принимать связанные с ними риски [см. подробнее: Arnstein, 1969; Fiorino, 1990; Petts et al., 1999; Walker, Devine-Wright, 2008; Cowell et al., 2011].

Тем не менее на практике участие часто носит формальный характер. Исследователи указывают, что недостаточно просто провести слушания — важно, чтобы мнение местных жителей реально влияло на решение, иначе доверие подрывается [Bickerstaff et al., 2013]. Кроме того, процедурная справедливость предполагает равноправие сторон: сельская община или коренной народ обычно заведомо в более слабой позиции, чем энергетическая корпорация или государство. В этой связи требуется институциональная поддержка слабых сторон, например предоставление независимых экспертиз, перевод материалов на понятный язык, принятие во внимание традиционных знаний коренных народов. В противном случае «участие» превращается в имитацию и люди чувствуют себя обманутыми — фактически лишенными голоса, что и есть несправедливость.

В последние десятилетия принцип «свободного, предварительного и осознанного согласия» (*free, prior and informed consent*, FPIC) постепенно закрепляется как важный ориентир для регулирования отношений с коренными и местными сообществами при реализации

крупных инфраструктурных и энергетических проектов. Первоначально он был сформулирован в документах ООН (прежде всего в Декларации ООН о правах коренных народов 2007 г.²) и развит в стандартах международных финансовых институтов и организаций: руководящих принципах Всемирного банка, Стандартах деятельности Международной финансовой корпорации (IFC Performance Standards), документах региональных банков развития и отраслевых инициатив по ответственной добыче ресурсов. В этом смысле статус FPIC как «международной нормы» означает не существование единого юридически обязывающего договора, а формирование широко разделяемого набора ожиданий и требований, которому должны следовать государства, компании и финансовые организации при работе с коренными и локальными сообществами.

Признание процедурных прав сообществ исходит как от международных организаций, так и от исследовательского и экспертного сообщества, анализирующего практику реализации крупных проектов. В работах по энергетической и экологической справедливости подчеркивается, что FPIC подразумевает не только информирование и возможность высказать мнение, но и прерогативу сообщества не дать согласие на проект, если он рассматривается как угроза его образу жизни, здоровью или территориальным правам [Endres, 2009; Silva Ontiveros et al., 2018]. Отсутствие такого согласия ставит под сомнение легитимность проектов и усиливает риск затяжных конфликтов, судебных разбирательств и репутационных потерь.

Практика показывает, что крупные инвесторы и международные финансовые организации всё более отчетливо учитывают эти риски, включают требования FPIC и более широкие стандарты участия сообществ в свои политики устойчивого развития, процедуры отбора и мониторинга проектов. В аналитической литературе и корпоративной отчетности это отражается в акценте на идее «социальной лицензии на деятельность» (*social licence to operate*), без которой энергетические и горнодобывающие проекты оказываются уязвимыми для протестов, блокад и международной критики [Yenneti et al., 2016; Nealy et al., 2019].

² Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года // Организация Объединенных Наций. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 10.12.2025).

Инфраструктурные проекты затрагивают образ жизни и ценности людей, поэтому важно признание их идентичности, традиций и особого отношения к земле или ресурсам. Классический пример — территории коренных народов: для них земля и природа имеют духовное значение, и строительство трубопровода или дамбы — это не просто хозяйственный вопрос, а удар по их культуре. Справедливость признания требует учета таких нематериальных аспектов. Уязвимы могут быть и другие группы: например, малообеспеченные городские общины, чьи районы меняются в результате проектов (гентрификация вслед за появлением экологичной инфраструктуры может вытеснять бедных — так называемое *зеленое неравенство*). Признание в этом контексте означает способность видеть за экономическими расчетами людей, их истории и права. Практически это выражается в необходимости культурной экспертизы, диалога на равных, уважения языка и обычаев локальных сообществ при планировании энергетических объектов.

Интересно, что дискурс справедливости в энергопроизводстве не всегда однозначно распределяет роли «виновника» и «жертвы». Часто предполагается, что традиционные «грязные» технологии (угольные теплоэлектростанции, атомные станции, нефтедобыча) — это зло, навязываемое слабым, а зеленые технологии (ветропарки, солнечные фермы) — благо, автоматически содержащее элемент справедливости (вносят вклад в предотвращение климатических изменений, локально менее загрязняющие). Однако реальность сложнее. Некоторые исследователи указывают на явление «энергетического колониализма» даже в области ВИЭ: крупные солнечные или ветряные проекты могут приводить к экспроприации земель у местных жителей, не давая им прямой выгоды [Yenneti et al., 2016]. Например, в Индии создание гигантских солнечных парков иногда означало отчуждение пастбищ у сельских общин без должной компенсации — зеленая энергия шла в города, а местные оставались ни с чем, теряя привычные средства к существованию. Это напоминает старые схемы неравенства, только под новой, зеленой вывеской. Следовательно, сам по себе переход на низкоуглеродные технологии не гарантирует справедливости — нужно намеренно ее обеспечивать.

В то же время существует и обратная сторона: сообщества, зависящие от углеводородного сектора (шахтерские моногорода, нефтегазодобывающие регионы), нередко воспринимают декарбо-

низацию как угрозу своим экономическим правам и социальным гарантиям. Именно в этом контексте сформировалась концепция «справедливого перехода» (*just transition*), подчеркивающая, что при использовании низкоуглеродной энергетики необходимо учитывать интересы работников и регионов, связанных с добычей и эксплуатацией ископаемого топлива, и не оставлять их без поддержки [Newell, Mulvaney, 2013; Healy, Barry, 2017; Healy et al., 2019]. Речь идет о новом ракурсе энергетической справедливости: ответственности государства и бизнеса за смягчение негативных последствий энергоперехода (закрытие шахт, теплоэлектростанций, сокращение рабочих мест) для конкретных людей и территорий, обеспечение программ переобучения, создание альтернативной занятости и инвестиции в диверсификацию экономики углеродозависимых регионов. В странах ЕС этот подход институционализируется через специальные механизмы и фонды поддержки «территорий, зависящих от угля и углеродоемких отраслей», в частности Фонд справедливого перехода и связанный с ним «Механизм справедливого перехода», ориентированные на социально справедливое преобразование угольных и промышленных регионов Германии, Польши и других государств³ [Healy et al., 2019].

Политику энергетической инфраструктуры следует рассматривать с позиций справедливости на всех этапах: от планирования (кто участвует и чьи интересы учтены), распределения выгод/издержек (кому свет, а кому дым) до долгосрочных эффектов (не усиливает ли проект уязвимость одних и привилегии других).

На этом фоне особенно интересно посмотреть, как вопросы энергетической справедливости проявляются в конкретных региональных конфигурациях. В следующем разделе мы обратимся к кейсу прикаспийских стран, который позволяет проиллюстрировать сложности и возможности достижения справедливости в рамках межгосударственного сотрудничества в энергетике, одновременно ориентированного на экономическое развитие и выполнение требований глобальной декарбонизации.

³ The Just Transition Mechanism: Making sure no one is left behind // European Commission. Available at: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal/finance-and-green-deal/just-transition-mechanism_en (accessed: 10.12.2025).

Энергетическая политика прикаспийских стран: переход, декарбонизация и сотрудничество

Прикаспийский регион — особый кластер государств (Россия, Казахстан, Азербайджан, Иран, Туркменистан), объединенных географией Каспийского моря и значительными запасами нефти и газа. Для Казахстана, Азербайджана, Туркменистана и Ирана вопросы распределения и эксплуатации углеводородных ресурсов Каспия — раздел месторождений, строительство экспортных трубопроводов, формирование доходов от продажи нефти и газа — на протяжении десятилетий были одними из ключевых в их энергетической политике. Для России каспийское направление имеет большое, но комплементарное значение по отношению к ее арктическому и сибирскому энергетическим векторам; тем не менее Москва активно участвует в определении правового режима Каспийского моря, развитии инфраструктуры и согласовании параметров добычи, рассматривая Каспий как значимый элемент своей региональной энергетической и внешнеполитической стратегии. В 2018 г. пятерке прикаспийских государств удалось заключить историческую Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря⁴, которая урегулировала многие споры по разграничению акватории и недр, а также заложила основы для совместных проектов. В частности, Конвенция дала возможность продолжить транскаспийские трубопроводы при условии согласия тех стран, по чьему дну они проходят, и соблюдения экологических требований. Принятие Конвенции стало важным условием для последующего развития инфраструктуры, в том числе для возвращения к обсуждению проекта газопровода из Туркменистана в Азербайджан и далее в Европу (Trans-Caspian Pipeline), реализация которого ранее затруднялась неопределенностью правового статуса Каспийского моря. Таким образом, с точки зрения *распределительной справедливости* на региональном уровне Конвенция 2018 г. задала более равноправные правила: каждая страна получила юридическое право на свою долю ресурсов и возможность реализовывать свои проекты, не опасаясь вето со стороны соседей [Хабриева, Курбанов, 2021].

Однако сегодня на первый план выходят новые аспекты — энергетический переход и декарбонизация, требующие трансформации энергетической политики прикаспийских стран. Глобальные усилия

⁴ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря // Президент России. 12.08.2018. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 10.12.2025).

по борьбе с изменением климата и падение спроса на ископаемое топливо в перспективе ставят под вопрос прежнюю модель развития региона, основанную на экспорте нефти и газа. Одновременно Прикаспийский регион обладает значительным потенциалом для развития возобновляемой энергетики (солнце, ветер) и находится на пересечении важных транспортно-энергетических коридоров между Европой и Азией. Это открывает возможности для трансрегионального сотрудничества в новой сфере — чистой энергетике и актуализирует вопросы справедливости: кто выиграет от зеленых проектов, не усилится ли неравномерность развития между прикаспийскими странами, как учесть экологические риски для уникальной экосистемы Каспия?

Подходы прикаспийских стран к энергетическому переходу.

Страны «пятерки» демонстрируют разные стратегии в области декарбонизации, но у всех прослеживается риторическое признание необходимости перехода к более чистой энергетике. Казахстан и Азербайджан взяли на себя весьма амбициозные обязательства: Астана объявила цель достигнуть углеродной нейтральности к 2060 г., Баку — снизить выбросы парниковых газов на 35% к 2030 г. (от уровня 1990 г.) и значительно нарастить долю ВИЭ⁵. Оба государства стремятся привлечь инвестиции в ветровую и солнечную энергетику, понимая, что эпоха нефти не вечна. Например, Казахстан помимо строительства собственных объектов возобновляемой энергетики участвует в инициативах экспорта зеленой энергии: в ноябре 2024 г. на климатическом саммите COP29 в Баку президенты Казахстана, Азербайджана и Узбекистана подписали соглашение о совместном развитии возобновляемой энергетики и экспорте электроэнергии в Европу через подводные кабели по Каспию и Черному морю⁶. Этот проект создает своего рода зеленый энергетический коридор из Центральной Азии и Кавказа в ЕС⁷, предполагая строительство

⁵ Azerbaijan, Kazakhstan, and Uzbekistan have agreed on the transfer of renewable energy across the Caspian Sea // Caspian — Alpine Society. 13.11.2024. Available at: <https://caspian-alpine.org/azerbaijan-kazakhstan-and-uzbekistan-have-agreed-on-the-transfer-of-renewable-energy-across-the-caspian-sea> (accessed: 10.12.2025).

⁶ Matters relating to finance: New collective quantified goal on climate finance // United Nations Climate Change. 24.11.2024. Available at: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma2024_L22E.pdf (accessed: 10.12.2025).

⁷ Азербайджан начнет разработку ТЭО «зеленого» энергокоридора до конца 2025 года // Коммерсантъ. 23.09.2025. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/8059533> (дата обращения: 10.12.2025).

высоковольтных линий для передачи солнечной и ветряной электроэнергии на тысячи километров. Он знаменует новый уровень регионального сотрудничества и демонстрирует приверженность части прикаспийских стран глобальному энергопереходу. Более того, к этому сотрудничеству привлечены внешние партнеры (например, саудовская компания «ACWA Power» будет инвестировать в генерацию ВИЭ в регионе), что говорит о расширении горизонтов ответственности и выгод: не только между государствами, но и с участием бизнеса.

Туркменистан и Иран, обладая огромными запасами газа, делают ставку преимущественно на газ как переходное топливо и на двусторонние соглашения. Официально они также поддерживают идеи развития ВИЭ, но практические успехи пока скромны. Туркменистан, известный высоким уровнем утечек метана, в последнее время под международным давлением принимает меры по их снижению и заявляет о планах производить водород⁸. Иран, находясь под санкциями, тем не менее сотрудничает с Россией в сфере ископаемого топлива: в 2025 г. Москва и Тегеран заключили стратегическое соглашение, включающее проект «Север–Юг» — строительство трубопровода через Каспий для поставок российского газа в Иран и далее в Южную Азию⁹. Такой шаг, с одной стороны, укрепляет альянс двух государств против западного влияния, с другой — может затормозить разворот Ирана к ВИЭ, закрепляя его зависимость от ископаемого топлива. Для других прикаспийских соседей (Казахстана, Азербайджана, Туркменистана) развитие коридора «Север–Юг» также создает определенные вызовы, хотя и не в форме прямой конкуренции за одни и те же рынки сбыта: он ориентирован прежде всего на связь России и Ирана с Индией и государствами Персидского залива.

⁸ Roadmap for the development of international cooperation of Turkmenistan in the field of hydrogen energy for 2022–2023 is approved // Turkmenistan Golden Age. 28.01.2022. Available at: <https://turkmenistan.gov.tm/en/post/60553/roadmap-development-international-cooperation-turkmenistan-field-hydrogen-energy-2022-2023-approved> (accessed: 10.12.2025); Implementation of the Program for Reducing Methane Emissions into the Environment in Turkmenistan // Ibidem. Available at: <https://turkmenistan.gov.tm/en/post/94178/implementation-program-reducing-methane-emissions-environment-turkmenistan> (accessed: 10.12.2025).

⁹ Cretti G. The Caspian Sea region: A renewable hub for European energy security? // Clingendael (Netherlands Institute of International Relations). March 2025. Available at: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2025-03/CA_The_Caspian_Sea_Regionpdf.pdf (accessed: 10.12.2025).

Скорее речь идет о конкуренции инфраструктурных приоритетов и инвестиционных потоков: чем больше политического и финансового внимания сосредотачивается на оси «Север–Юг», тем сложнее странам региона добиваться поддержки проектов, связанных с западным вектором экспорта и диверсификацией маршрутов через Кавказ и Черное море.

Россия, крупнейший игрок региона, также признает повестку декарбонизации: провозглашена цель углеродной нейтральности к 2060 г.¹⁰, принята Стратегия низкоуглеродного развития до 2050 г.¹¹ В практическом плане Москва пока ориентирована на перенаправление потоков ископаемого топлива на Восток (в Азию) и развитие проектов по гидроэнергетике, атомной энергетике (считая ее низкоуглеродной) и водороду. В рамках Прикаспийского региона Россия продвигает собственные площадки сотрудничества, такие как Каспийский экономический форум¹², стремясь удержать инициативу и ограничить вовлечение ЕС и других внешних игроков. Москва предлагает, например, развивать транспортный коридор «Север–Юг» (связывающий Россию, Иран, Индию) [Малышева, 2024] в качестве альтернативы Транскаспийскому транспортному маршруту через Каспийское море, который поддерживают ЕС, Турция и Китай. Кремль продвигает концепцию «пятерки» как сплоченной группы, аргументируя это тем, что интеграция усилий принесет пользу всем. Так, на форумах говорится о совместных стандартах экологической безопасности на Каспии, обмене технологиями ВИЭ, координации энергетических стратегий.

Инфраструктура и трансрегиональное сотрудничество. Для прикаспийских стран ключевым фактором остается развитие ин-

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 06.08.2025 г. № 547 «О сокращении выбросов парниковых газов» // Официальное опубликование правовых актов. 06.08.2025. Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202508060001> (дата обращения: 10.12.2025).

¹¹ Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р) // Правительство Российской Федерации. Доступ: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtlpyzWfHaiUa.pdf> (дата обращения: 10.12.2025).

¹² В Тегеране завершился Третий Каспийский экономический форум // Министерство экономического развития Российской Федерации. 18.02.2025. Доступ: https://economy.gov.ru/material/news/v_tegerane_zavershilsya_tretiy_kaspiyskiy_ekonomicheskii_forum.html (дата обращения: 10.12.2025).

фраструктуры, прежде всего нефтегазопроводов, а в последние годы также ЛЭП, портов и терминалов сжиженного газа. В этом измерении вопросы справедливости проявляются в том, кто и на каких условиях получает доступ к инфраструктуре, как распределяются права контроля и выгоды от ее использования между государствами и отдельными компаниями. Ранее инфраструктура часто строилась под эгидой внешних сил или отдельных более мощных государств (например, нефтепровод «Баку–Тбилиси–Джейхан» при поддержке западных консорциумов либо Каспийский трубопроводный консорциум из Казахстана в Россию под контролем РФ). Сейчас ситуация меняется: меньшие государства стараются координироваться между собой, чтобы не зависеть от одного маршрута. Так, Транскаспийский транспортный маршрут — коридор из Китая и Центральной Азии через Каспийское море, Кавказ в Европу — включает компоненты энергетической инфраструктуры, позволяющие Казахстану и Туркменистану отправлять свои энергоносители (и потенциально электроэнергию) в обход российских сетей¹³. Для Азербайджана этот коридор — шанс усилить роль транзитного хаба. Региональные площадки при участии ЕС и Великобритании подчеркивают, что только через углубление сотрудничества и развитие взаимосвязанной инфраструктуры прикаспийские страны смогут одновременно укреплять энергетическую безопасность и двигаться в сторону целей по нулевым выбросам. Например, на конференциях по энергетической безопасности Прикаспийского региона, организуемых «Caspian Policy Center» совместно с правительством Великобритании, представители Лондона и ЕС прямо увязывают благополучие прикаспийских стран и зеленый переход, отмечая, что «региональная взаимосвязанность и сотрудничество являются ключевыми как для энергетической безопасности, так и для перехода к net zero»¹⁴. Аналогичная логика прослеживается в инициативах ЕС по развитию Транскаспийского транспортного маршрута и в совместных заявлениях Брюсселя и государств Центральной Азии, где подчеркивается, что устойчивое транспортно-энергетическое соединение Прикаспийского региона с Европой рассматривается как вклад

¹³ Caspian Energy Security Conference: UK and Caspian countries discussed strategic energy cooperation // Caspian Policy Center. 22.11.2023. Available at: <https://caspianpolicy.org/research/press-releases/caspian-energy-security-conference-uk-and-caspian-countries-discussed-strategic-energy-cooperation-13720> (accessed: 10.12.2025).

¹⁴ Ibidem.

одновременно в энергобезопасность и в зеленый рост¹⁵. На первый взгляд, подобная риторика подчеркивает общность интересов и взаимозависимость: ни одна страна не может в одиночку осуществить успешный энергопереход или гарантировать устойчивость поставок. Однако в то же время такая позиция отражает и вполне конкретные коммерческие и геополитические интересы западных финансовых институтов и правительств, заинтересованных в продвижении собственных маршрутов и проектов и в ослаблении конкурентов, прежде всего России в традиционном для нее регионе.

В этом смысле обращение к языку «энергетической справедливости» и «справедливого энергоперехода» оказывается не только нормативной рамкой, но и инструментом межгосударственного политического соперничества: требования справедливости могут служить ширмой для перераспределения влияния, инфраструктурных приоритетов и потоков капитала в Прикаспийском регионе. Для анализа регионального взаимодействия в такой перспективе особенно важно различать, где речь идет о реальном перераспределении выгод и рисков в пользу уязвимых акторов, а где — о риторическом использовании дискурса справедливости для легитимации конкурентных стратегий внешних и внутренних игроков.

Конкретным результатом сотрудничества служат недавние соглашения в рамках COP29 (Баку, 2024), упомянутые нами ранее. Зеленый энергетический коридор через Каспий — это фактически первое крупное партнерство по возобновляемой энергетике между тремя прикаспийскими странами (с участием Узбекистана)¹⁶. Проект предполагает строительство высоковольтного подводного кабеля по дну Каспийского моря от Казахстана к Азербайджану и дальнейшую передачу произведенной электроэнергии через Кавказ и Черное море в европейские энергосистемы. Планируется, что эта электроэнергия будет вырабатываться на новых солнечных и ветровых электростанциях совокупной мощностью в десятки гигаватт. Для Казахстана и Узбекистана это возможность капитализировать свой

¹⁵ Trans-Caspian Transport Corridor and Connectivity Investors Forum: The EU advances cross-regional connectivity in Tashkent // European Commission. 27.11.2025. Available at: https://enlargement.ec.europa.eu/news/trans-caspian-transport-corridor-and-connectivity-investors-forum-eu-advances-cross-regional-2025-11-28_en (accessed: 10.12.2025).

¹⁶ Azerbaijan, Kazakhstan, and Uzbekistan have agreed on the transfer of renewable energy across the Caspian Sea...

солнечно-ветровой потенциал, для Азербайджана — укрепить статус энергетического моста, для Европы — получить доступ к зеленой энергии и уменьшить зависимость от ископаемого импорта. Важно отметить, что страны-участницы формально привязали данный проект к целям Парижского соглашения и ЦУР, фактически используя риторику энергетической справедливости (идею о том, что коридор поможет и сокращению выбросов, и развитию регионов).

Туркменистан пока остается вне этого зеленого коридора, что, вероятно, связано как с его традиционной геополитической многовекторностью, так и с ориентацией на собственные газовые проекты. В официальной риторике Ашхабад продолжает позиционировать в качестве одного из ключевых своих приоритетов проект газопровода ТАПИ (Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия), которому придается большое политическое значение, хотя на практике он на протяжении многих лет сталкивается с серьезными проблемами безопасности, финансирования и санкционного давления и остается нереализуемым в среднесрочной перспективе. Иран также не участвует в зеленом коридоре, сосредоточившись на углублении сотрудничества с Россией по линии нефтегазовых и транспортно-инфраструктурных проектов, в том числе в рамках маршрута «Север–Юг».

В результате формируются две во многом расходящиеся траектории: с одной стороны, Казахстан, Азербайджан и Узбекистан, выстраивающие партнерство с ЕС по экспорту зеленой электроэнергии и развитию транскаспийской энергетической и транспортной инфраструктуры; с другой — Россия, Иран и в определенной степени Туркменистан, делающие ставку преимущественно на традиционные углеводородные и южно-восточные маршруты. В этом контексте возникает риск углубления разрыва внутри самого региона: дискурс «энергетической справедливости» и «справедливого перехода» можно использовать не только как язык кооперации, но и как инструмент перераспределения влияния и инвестиционных потоков в пользу одних групп стран и в ущерб другим, в том числе России как традиционному центру притяжения в прикаспийском пространстве¹⁷.

¹⁷ Жильцов С. Каспийский регион: стратегические задачи и вызовы для России // Каспийский вестник. 28.04.2024. Доступ: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kaspiyskiy-region-strategicheskie-zadachi-i-vyzovy-dlya-rossii/?phrase_id=136740477 (дата обращения: 10.12.2025).

Международный опыт говорит о необходимости солидарных механизмов, таких как климатические фонды, программы обмена технологиями, инвестирования в альтернативную экономику. Сейчас уже обсуждается, как регион может совместно противостоять рискам, связанным с изменением климата: например, Азербайджан предлагает провести саммит прикаспийских государств по экологическим проблемам, включая обмеление Каспия и декарбонизацию. Под эгидой ООН разрабатывается специальный Каспийский план действий по климату¹⁸. Эти инициативы — признаки того, что, несмотря на разность позиций, страны осознают общую судьбу региона перед лицом экологических вызовов и постепенно приходят к пониманию необходимости координации.

Энергетическая справедливость в прикаспийском контексте. Хотя терминология энергетической справедливости не всегда прямо звучит в официальных документах прикаспийских государств, по сути, многие рассматриваемые процессы опираются на ее принципы.

Во-первых, речь идет о распределении выгод и бремени: все страны хотят справедливой доли от использования каспийских ресурсов. Конвенция 2018 г. уже была шагом в этом направлении. Кроме того, Азербайджан и Туркменистан в 2021 г. урегулировали многолетний спор вокруг месторождения «Достлуг» (бывш. «Сердар/Кяпаз»), договорившись о его совместной разработке, т.е. предпочли мирное разделение ресурсов с взаимной выгодой вместо продолжения конфронтации¹⁹.

Во-вторых, в прикаспийском формате просматриваются элементы процедурной и институциональной справедливости: страны выстроили механизм регулярных Каспийских саммитов и форумов, в рамках которых каждая из пяти сторон обладает правом голоса. Ключевые решения (например, по правилам судоходства, рыбной ловле, прокладке трубопроводов и кабелей) принимаются на основе

¹⁸ Pokidaev D. Interview: President of COP29 calls for Caspian summit to tackle environmental crisis // The Times of Central Asia. Available at: <https://timesca.com/interview-president-of-cop29-calls-for-caspian-summit-to-tackle-environmental-crisis> (accessed: 10.12.2025).

¹⁹ Azerbaijan and Turkmenistan sign MoU on joint exploration and development of 'Dostlug' field in Caspian Sea // Permanent Mission of the Republic of Azerbaijan to the United Nations Office and other International Organizations in Geneva. 22.01.2021. Available at: <https://geneva.mfa.gov.az/en/news/azerbaijan-and-turkmenistan-sign-mou-on-joint-exploration-and-development-of-dostlug-field-in-caspian-sea> (accessed: 10.12.2025).

консенсуса, что институционализирует принцип равного участия и ограничивает возможность навязывания позиции одной стороны остальным. Можно сказать, что «каспийская пятерка» сформировала собственную микромодель многостороннего управления общими ресурсами — со всеми неизбежными сложностями, но без открытого диктата одного государства.

В-третьих, проявляется измерение признания: интересы каждого государства рассматриваются как легитимные, что особенно важно с учетом различий их статуса и потенциала (наличие среди участников крупной державы — России — и сравнительно малых стран). Сам принцип «пяти равных сторон» уже можно трактовать как институциональное воплощение логики признания в международной плоскости.

Когда речь заходит об энергопереходе, справедливость проявляется в вопросах ответственности и поддержки. Прикаспийские государства внесли разный вклад в глобальные выбросы и обладают неравными возможностями для инвестиций в зеленые технологии: Казахстан и Азербайджан, а также Узбекистан имеют более широкий доступ к западным финансовым рынкам и механизмам климатического финансирования и являются крупными реципиентами помощи Программы развития ООН, Всемирного банка, Европейского банка реконструкции и развития и других институтов в сфере энергоэффективности и возобновляемой энергетики. Россия и Иран, напротив, в силу санкционных ограничений, а также Туркменистан — вследствие специфики внутренней политики гораздо менее интегрированы в эти каналы поддержки и в меньшей степени участвуют в многосторонних инициативах по финансированию низкоуглеродного перехода. В результате складывается ситуация, при которой одни государства могут двигаться по траектории декарбонизации быстрее, тогда как другие рискуют отставать, усиливая технологическое и финансовое неравенство внутри региона. С точки зрения энергетической справедливости возникает вопрос, насколько существующие механизмы международной помощи и климатического финансирования действительно учитывают особую уязвимость тех стран, которые по политическим или институциональным причинам оказываются на периферии глобального зеленого поворота.

В этом отношении важно отметить деятельность Азиатского банка развития, который через программу CAREC, охватывающую

часть региона, продвигает «Каспийскую программу зеленого финансирования», помогающую странам получать средства на ВИЭ-проекты²⁰. Это пример солидарного механизма, направленного на выравнивание возможностей. Важно также, чтобы в региональных инициативах более сильные экономики (Россия, Казахстан) учитывали положение более слабых (например, вложились в модернизацию туркменской энергосистемы под ВИЭ или поделились опытом). Пока такие примеры редки, но, возможно, с ростом внимания к климату они станут более распространенными, а прикаспийские страны — образцом подобного сотрудничества.

Наконец, отдельно следует отметить экологический аспект. Каспийское море представляет собой замкнутую и весьма уязвимую экосистему, чувствительную как к загрязнению, так и к колебаниям уровня воды. Энергетическая деятельность — прежде всего добыча нефти и газа, а также интенсивное транспортное движение — создает дополнительные нагрузки: аварийные и хронические сбросы, локальные всплески загрязнения, утрата нерестилищ и гибель биоресурсов. С этой точки зрения энергетическая справедливость неизбежно включает компонент экологической справедливости для прибрежного населения — рыбаков и местных сообществ, чье благополучие напрямую зависит от состояния моря²¹. Совместные усилия по охране окружающей среды, в том числе реализация Тегеранской конвенции 2003 г. о защите морской среды Каспия²², становятся неотъемлемой частью региональной повестки. Сегодня, когда климатические изменения и гидрологические факторы ведут к устойчивому снижению уровня Каспийского моря, речь идет уже об общей угрозе для всего побережья: требуются согласованные меры адаптации — от координации управления речным стоком и защиты дельт до переосмысления планов развития прибрежной инфраструктуры. В этом контексте показателен призыв президента

²⁰ ADB supports CAREC countries in advancing the Caspian Green Energy Corridor Initiative // Central Asia Regional Economic Cooperation Program (CAREC). Available at: <https://carecprogram.org/?news=adb-supports-carec-countries-in-advancing-the-caspian-green-energy-corridor-initiative> (accessed: 10.12.2025).

²¹ Pokidaev D. Op. cit.

²² Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря — Тегеранская конвенция // Caspian Environmental Information Centre Portal. Available at: https://tehranconvention.org/system/files/web/tegeranskaya_konvenciya_rus_final_compressed.pdf (accessed: 10.12.2025).

СОР29 М. Бабаева провести специальный Каспийский саммит, посвященный экологическому кризису, и скоординировать усилия прибрежных государств, чтобы не повторить судьбу Аральского моря²³. Такой призыв апеллирует не только к экологической необходимости, но и к принципу справедливого распределения ответственности: только при объединении усилий всех пяти прикаспийских стран можно сохранить экосистему, границы которой не совпадают с государственными.

В целом кейс Прикаспийского региона показывает, что энергетическая справедливость в трансграничном контексте — это прежде всего вопрос баланса национальных интересов и коллективного блага. Регион, богатый ископаемыми ресурсами, вынужден трансформироваться под влиянием глобальных тенденций. Применение аналитической линзы энергетической справедливости позволяет подсветить новые важные элементы и аспекты этих трансформаций: необходимость гарантировать равный доступ к возможностям энергоперехода (технологиям, инвестициям), справедливое разделение новых выгод (например, доходов от экспорта зеленой энергии) и учет уязвимостей (как социально-экономических, так и экологических). Прикаспийское сотрудничество еще находится в развитии, но уже содержит зачатки подхода, при котором «никто не остается в стороне»: страны стремятся совместно решать как текущие вопросы (раздел ресурсов), так и новые вызовы (климат, переход). Этот опыт ценен тем, что проходит проверку реальностью: насколько договоренности воплотятся, покажет время, но сам факт диалога пяти порой очень разных режимов о справедливости и устойчивости — явление обнадеживающее.

* * *

Энергетическая справедливость превратилась в важнейшее направление в исследовании и формировании энергетической политики. Из узкого академического термина она выросла в концептуальную рамку, через которую оцениваются энергетические стратегии, проекты и реформы во всём мире. Три ключевых принципа — справедливое распределение благ и издержек, инклюзивные процедуры

²³ Президент СОР29 обнародовал приоритеты климатической повестки Азербайджана // *Turkic World*. 01.10.2025. Доступ: <https://turkic.world/ru/articles/society/420685> (дата обращения: 10.12.2025).

и уважение разнообразия (признание) — позволяют выявлять скрытые проблемы неравенства и исключения, которые традиционно игнорировались при технократическом подходе к энергетике. Включение справедливости в повестку дня меняет сами ориентиры энергетической политики: она уже не может ограничиваться задачами надежности и эффективности, но должна одновременно обеспечивать ее социальную и экологическую обоснованность.

Обзор литературы показал, что тематика энергетической справедливости охватывает широкий спектр вопросов — от энергетической бедности и доступности услуг до справедливого энергетического перехода. В развитых странах концепция помогла осмыслить проблему топливной бедности как нарушения базовых прав, требующего реакции государства. В развивающихся странах она поддержала аргументы в пользу всеобщего доступа к электроэнергии как вопроса глобальной справедливости. Наконец, в сфере развития энергетической инфраструктуры подход на основе справедливости показал, что навязывание проектов без участия общественности и без справедливого распределения выгод чревато конфликтами и ощущением несправедливости. Наоборот, справедливое распределение доходов, прозрачный диалог, учет интересов местных жителей могут повысить легитимность и устойчивость энергетических проектов. В эпоху борьбы с изменением климата концепция энергетической справедливости напоминает, что переход к чистой энергетике должен быть «переходом для всех», иначе он не будет устойчивым ни политически, ни социально.

Кейс Прикаспийского региона демонстрирует практическое измерение этих принципов в межгосударственной плоскости. Пять стран, связанные общим морем и ресурсами, исторически решали вопросы раздела нефтегазовых богатств — зачастую с определенными трудностями, но в итоге пришли к компромиссу (Конвенция 2018 г.). Теперь перед ними стоят новые испытания: перестроить свои энергетические экономики в сторону низкоуглеродного развития, не допустить экологической катастрофы в условиях падения уровня Каспия и извлечь выгоду из новых возможностей сотрудничества. Их опыт наглядно показывает, что справедливость и устойчивость взаимосвязаны. Без справедливого учета интересов всех сторон невозможно согласие ни на локальном уровне (между гражданами и государством), ни на региональном (между государствами). Проекты типа зеленого коридора через Каспий сочетают экономическую

выгоду с экологической и отражают солидарность нескольких стран в достижении общих целей. В то же время сохраняется риск, что часть акторов останутся в стороне, а это уже вызов справедливости, который предстоит решать посредством расширения сотрудничества.

Можно выделить несколько перспективных направлений дальнейшей разработки проблематики энергетической справедливости, которые приобретают особую актуальность в современных условиях. Во-первых, необходимо продолжать междисциплинарные исследования, связывающие технические аспекты энергетики с социальными на локальном и глобальном уровнях. Во-вторых, следует разрабатывать метрики и индикаторы энергетической справедливости, пригодные для оценки реальных политик (например, индекс энергетической бедности, критерии участия граждан). В-третьих, важен обмен лучшими практиками: как разные страны интегрируют принципы справедливости, будь то программы тарифной поддержки, механизмы справедливого распределения ренты от добычи или процедуры FPIC с коренными народами. Наконец, выработка международных норм — по сути, формирование «этики энергетической политики» — могла бы помочь странам выстраивать свои стратегии с учетом универсальных критериев справедливости. Это особенно значимо сейчас, когда глобальное энергетическое сообщество переживает беспрецедентный сдвиг к декарбонизации: будет ли он справедливым, во многом зависит от того, насколько глубоко идеи энергетической справедливости проникнут в сознание политиков и общества.

В заключение можно утверждать, что энергетическая справедливость — не абстрактный идеал, а необходимое условие устойчивого развития. Энергетические системы, построенные на принципах справедливости, обладают большим доверием общества, меньшим конфликтным потенциалом и лучшей способностью адаптироваться к переменам. Напротив, игнорирование вопросов справедливости чревато не только моральными издержками, но и прямыми экономическими и политическими потерями — от массовых протестов до замороженных проектов. Как показывают исследования и примеры, справедливость в энергетике — это инвестиция в стабильное будущее. Прикаспийский регион, активно адаптирующийся к новой эре зеленых возможностей, иллюстрирует этот урок. Дальнейшее распространение и углубление принципов энергетической справед-

ливости во всём мире позволят сделать глобальный энергопереход более инклюзивным, а энергетику — более гуманной и ответственной сферой человеческой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казначеев Н.Л. Обзор ключевых концепций устойчивой энергетики // Россия молодая: Сборник материалов XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Отв. ред. К.С. Костиков. Кемерово: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачёва, 2022. С. 21408.1–21408.6.
2. Краснопёрова А.Б. Принципы энергетической справедливости // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 4. С. 2461–2480. DOI: 10.18334/vines.13.4.119733.
3. Малышева Д.Б. Международный транспортный коридор «Север–Юг» и страны Центральной Азии // Ближний и постсоветский Восток. 2024. № 4 (8). С. 7–21. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.01.
4. Попова И.М. Трансформация повестки справедливого перехода в повестке «Группы двадцати» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. Т. 20. № 1. С. 139–156. DOI: 10.17323/1996-7845-2025-01-08.
5. Хабриева Т.Я., Курбанов Р.А. Правовые основы и интеграционные тенденции в Каспийском регионе. Каспийская пятерка: история и перспективы // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 8. С. 118–130. DOI: 10.12737/jrl.2021.103.
6. Agyeman J., Bullard R.D., Evans B. Exploring the nexus: Bringing together sustainability, environmental justice and equity // Space and Polity. 2002. Vol. 6. No. 1. P. 77–90. DOI: 10.1080/13562570220137907.
7. Agyeman J., Schlosberg D., Craven L., Matthews C. Trends and directions in environmental justice: From inequity to everyday life, community, and just sustainabilities // Annual Review of Environment and Resources. 2016. Vol. 41. P. 321–340. DOI: 10.1146/annurev-enviro-110615-090052.
8. Arnstein Sh.R. A ladder of citizen participation // Journal of the American Institute of Planners (JAIP). 1969. Vol. 35. No. 4. P. 216–224.
9. Batel S., Devine-Wright P. Energy colonialism and the role of the global in local responses to new energy infrastructures in the UK: A critical and exploratory empirical analysis // Antipode. 2017. Vol. 49. No. 1. P. 3–22. DOI: 10.1111/anti.12261.
10. Bickerstaff K., Walker G., Bulkeley H. Introduction: Making sense of energy justice // Energy justice in a changing climate: Social equity and low-carbon energy / Ed. by K. Bickerstaff, G. Walker, H. Bulkeley. London: Zed Books, 2013. P. 1–13.

11. Boardman B. Fixing fuel poverty: Challenges and solutions. London: Earthscan, 2010.
12. Boardman B. From cold homes to affordable warmth. London: Belhaven Press, 1991.
13. Bouzarovski S. Energy poverty in the European Union: Landscapes of vulnerability // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Energy and Environment*. 2014. Vol. 3. No. 3. P. 276–289. DOI: 10.1002/wene.89.
14. Bouzarovski S., Petrova S. A global perspective on domestic energy deprivation: Overcoming the energy poverty — fuel poverty binary // *Energy Research & Social Science*. 2015. Vol. 10. P. 31–40. DOI: 10.1016/j.erss.2015.06.007.
15. Bullard R.D. Dismantling environmental racism in the USA // *Local Environment*. 1999. Vol. 4. No. 1. P. 5–19. DOI: 10.1080/13549839908725577.
16. Byrne J., Portanger Ch. Climate change, energy policy and justice: A systematic review // *Analyse & Kritik*. 2014. Vol. 36. No. 2. P. 315–344. DOI: 10.1515/auk-2014-0207.
17. Carruthers D.V. Environmental justice and the politics of energy on the US–Mexico border // *Environmental Politics*. 2007. Vol. 16. No. 3. P. 394–413. DOI: 10.1080/09644010701251649.
18. Clancy J., Ummer F., Shakyia I., Kelkar G. Appropriate gender-analysis tools for unpacking the gender-energy-poverty nexus // *Gender & Development*. 2007. Vol. 15. No. 2. P. 241–257. DOI: 10.1080/13552070701391102.
19. Cowell R., Bristow G., Munday M. Acceptance, acceptability and environmental justice: The role of community benefits in wind energy development // *Journal of Environmental Planning and Management*. 2011. Vol. 54. No. 4. P. 539–557. DOI: 10.1080/09640568.2010.521047.
20. Endres D. From wasteland to waste site: The role of discourse in nuclear power's environmental injustices // *Local Environment*. 2009. Vol. 14. No. 10. P. 917–937. DOI: 10.1080/13549830903244409.
21. Fiorino D.J. Citizen participation and environmental risk: A survey of institutional mechanisms // *Science, Technology and Human Values*. 1990. Vol. 15. No. 2. P. 226–243. DOI: 10.1177/016224399001500204.
22. Fraser N. Justice interruptus: Critical reflections on the «postsocialist» condition. New York: Routledge, 1997.
23. Gerring J. Case study research: Principles and practices. New York: Cambridge University Press, 2006.
24. Healy N., Barry J. Politicizing energy justice and energy system transitions: Fossil fuel divestment and a «just transition» // *Energy Policy*. 2017. Vol. 108. P. 451–459. DOI: 10.1016/j.enpol.2017.06.014.
25. Healy N., Stephens J.C., Malin S.A. Embodied energy injustices: Unveiling and politicizing the transboundary harms of fossil fuel extractivism and fossil fuel supply chains // *Energy Research & Social Science*. 2019. Vol. 48. P. 219–234. DOI: 10.1016/j.erss.2018.09.016.

26. Jenkins K., McCauley D., Heffron R. et al. Energy justice: A conceptual review // *Energy Research & Social Science*. 2016. Vol. 11. P. 174–182. DOI: 10.1016/j.erss.2015.10.004.

27. Kowsari R., Zerriffi H. Three dimensional energy profile: A conceptual framework for assessing household energy use // *Energy Policy*. 2011. Vol. 39. No. 12. P. 7505–7517. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.06.030. Accessed 20 March.

28. McCauley D. *Energy justice: Re-balancing the trilemma of security, poverty and climate change*. Cham: Palgrave Macmillan, 2018.

29. Middlemiss L., Gillard R. Fuel poverty from the bottom-up: Characterising household energy vulnerability through the lived experience of the fuel poor // *Energy Research & Social Science*. 2015. Vol. 6. P. 146–154. DOI: 10.1016/j.erss.2015.02.001.

30. Newell P., Bulkeley H., Turner K. et al. Governance traps in climate change politics: Re-framing the debate in terms of responsibilities and rights // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*. 2015. Vol. 6. No. 6. P. 535–540. DOI: 10.1002/wcc.356.

31. Newell P., Mulvaney D. The political economy of the «just transition» // *The Geographical Journal*. 2013. Vol. 179. No. 2. P. 132–140. DOI: 10.1111/geoj.12008.

32. Nicholls L., Strengers Y. Heatwaves, cooling and young children at home: Integrating energy and health objectives // *Energy Research & Social Science*. 2018. Vol. 39. P. 1–9. DOI: 10.1016/j.erss.2017.10.002.

33. Pachauri S., Spreng D. Measuring and monitoring energy poverty // *Energy Policy*. 2011. Vol. 39. No. 12. P. 7497–7504. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.07.008.

34. Petts J., Herd A., Gerrard S., Horne C. The climate and culture of environmental compliance within SMEs // *Business Strategy and the Environment*. 1999. Vol. 8. No. 1. P. 14–30. DOI: [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-0836\(199901/02\)8:1%3C14::AID-BSE175%3E3.0.CO;2-4](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-0836(199901/02)8:1%3C14::AID-BSE175%3E3.0.CO;2-4).

35. Rawls J. *A theory of justice*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1971.

36. Schlosberg D. Reconceiving environmental justice: Global movements and political theories // *Environmental Politics*. 2004. Vol. 13. No. 3. P. 517–540. DOI: 10.1080/0964401042000229025.

37. Schlosberg D. Theorising environmental justice: The expanding sphere of a discourse // *Environmental Politics*. 2013. Vol. 22. No. 1. P. 37–55. DOI: 10.1080/09644016.2013.755387.

38. Sikor T., Newell P. Globalizing environmental justice? // *Geoforum*. 2014. Vol. 54. P. 151–157. DOI: 10.1016/j.geoforum.2014.04.009.

39. Silva Ontiveros L., Munro P.G., Lourdes Melo Zurita M. *Proyectos de Muerte: Energy justice conflicts on Mexico's unconventional gas frontier* // *The Extractive Industries and Society*. 2018. Vol. 5. No. 4. P. 481–489. DOI: 10.1016/j.exis.2018.06.010.

40. Sovacool B.K., Dworkin M.H. Energy justice: Conceptual insights and practical applications // *Applied Energy*. 2015. Vol. 142. P. 435–444. DOI: 10.1016/j.apenergy.2015.01.002.

41. Sovacool B.K., Heffron R.J., McCauley D., Goldthau A. Energy decisions reframed as justice and ethical concerns // *Nature Energy*. 2016. Vol. 1. No. 5. P. 1–6. DOI: 10.1038/nenergy.2016.24.

42. Sze J., London J.K. Environmental justice at the crossroads // *Sociology Compass*. 2008. Vol. 2. No. 4. P. 1331–1354. DOI: 10.1111/j.1751-9020.2008.00131.x.

43. Taylor D.E. The rise of the environmental justice paradigm // *American Behavioral Scientist*. 2000. Vol. 43. No. 4. P. 508–580. DOI: 10.1177/0002764200043004003.

44. Walker G. Globalizing environmental justice: The geography and politics of frame contextualization and evolution // *Global Social Policy*. 2009. Vol. 9. No. (3). P. 355–382. DOI: 10.1177/1468018109343640.

45. Walker G., Day R. Fuel poverty as injustice: Integrating distribution, recognition and procedure in the struggle for affordable warmth // *Energy Policy*. 2012. Vol. 49. P. 69–75. DOI: 10.1016/j.enpol.2012.01.044.

46. Walker G., Devine-Wright P. Community renewable energy: What should it mean? // *Energy Policy*. 2008. Vol. 36. No. 2. P. 497–500. DOI: 10.1016/j.enpol.2007.10.019.

47. Watts M. Resource curse? Governmentality, oil and power in the Niger Delta, Nigeria // *Geopolitics*. 2004. Vol. 9. No. 1. P. 50–80. DOI: 10.1080/14650040412331307832.

48. Yenneti K., Day R., Golubchikov O. Spatial justice and the land politics of renewables: Dispossession vulnerable communities through solar energy mega-projects // *Geoforum*. 2016. Vol. 76. P. 90–99. DOI: 10.1016/j.geoforum.2016.09.004.

49. Young J. *Post environmentalism*. London: Belhaven Press, 1990.

REFERENCES

1. Kaznacheev N.L. 2022. Obzor klyuchevykh kontseptsii ustoychivoi energetiki [Overview of key sustainable energy concepts]. In: Kostikov K.S. (ed.). *Rossiya molodaya: Sbornik materialov XIV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Young Russia: Proceedings of the 14th All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation]. Kemerovo, Kuzbasskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet imeni T.F. Gorbacheva Publ., pp. 21408.1–21408.6. (In Russ.)

2. Krasnoperova A.B. 2023. Printsipy energeticheskoi spravedlivosti [Energy justice principles]. *Russian Journal of Innovation Economics*, vol. 13, no. 4, pp. 2461–2480. DOI: 10.18334/vinec.13.4.119733. (In Russ.)

3. Malysheva D.B. 2024. Mezhdunarodnyi transportnyi koridor ‘Sever–Yug’ i strany Tsentral’noi Azii [North-South international transport corridor and

Central Asian countries]. *Blizhnii i postsovetetskii Vostok*, no. 4 (8), pp. 7–21. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.04.01. (In Russ.)

4. Popova I.M. 2025. Transformatsiya povestki spravedlivogo perekhoda v povestke 'Gruppy dvadtsati' [The transformation of the G20' just transition agenda]. *International Organisations Research Journal*, vol. 20, no. 1, pp. 139–156. DOI: 10.17323/1996-7845-2025-01-08. (In Russ.)

5. Khabrieva T.Ya., Kurbanov R.A. 2021. Pravovye osnovy i integratsionnye tendentsii v Kaspiiskom regione. Kaspiiskaya pyaterka: istoriya i perspektivy [Legal bases and integration trends in the Caspian region. The Caspian five: History and prospects]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, vol. 25, no. 8, pp. 118–130. DOI: 10.12737/jrl.2021.103. (In Russ.)

6. Agyeman J., Bullard R.D., Evans B. 2002. Exploring the nexus: Bringing together sustainability, environmental justice and equity. *Space and Polity*, vol. 6, no. 1, pp. 77–90. DOI: 10.1080/13562570220137907.

7. Agyeman J., Schlosberg D., Craven L., Matthews C. 2016. Trends and directions in environmental justice: From inequity to everyday life, community, and just sustainabilities. *Annual Review of Environment and Resources*, vol. 41, pp. 321–340. DOI: 10.1146/annurev-environ-110615-090052.

8. Arnstein Sh.R. 1969. A ladder of citizen participation. *Journal of the American Institute of Planners (JAIP)*, vol. 35, no. 4, pp. 216–224.

9. Batel S., Devine-Wright P. 2017. Energy colonialism and the role of the global in local responses to new energy infrastructures in the UK: A critical and exploratory empirical analysis. *Antipode*, vol. 49, no. 1, pp. 3–22. DOI: 10.1111/anti.12261.

10. Bickerstaff K., Walker G., Bulkeley H. 2013. Introduction: Making sense of energy justice. In: Bickerstaff K., Walker G., Bulkeley H. *Energy justice in a changing climate: Social equity and low-carbon energy*. London, Zed Books, pp. 1–13.

11. Boardman B. 2010. *Fixing fuel poverty: Challenges and solutions*. London, Earthscan.

12. Boardman B. 1991. *From cold homes to affordable warmth*. London, Belhaven Press.

13. Bouzarovski S. 2014. Energy poverty in the European Union: Landscapes of vulnerability. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Energy and Environment*, vol. 3, no. 3, pp. 276–289. DOI: 10.1002/wene.89.

14. Bouzarovski S., Petrova S. 2015. A global perspective on domestic energy deprivation: Overcoming the energy poverty — fuel poverty binary. *Energy Research & Social Science*, vol. 10, pp. 31–40. DOI: 10.1016/j.erss.2015.06.007.

15. Bullard R.D. 1999. Dismantling environmental racism in the USA. *Local Environment*, vol. 4, no. 1, pp. 5–19. DOI: 10.1080/13549839908725577.

16. Byrne J., Portanger Ch. 2014. Climate change, energy policy and justice: A systematic review. *Analyse & Kritik*, vol. 36, no. 2, pp. 315–344. DOI: 10.1515/auk-2014-0207.

17. Carruthers D.V. 2007. Environmental justice and the politics of energy on the US–Mexico border. *Environmental Politics*, vol. 16, no. 3, pp. 394–413. DOI: 10.1080/09644010701251649.

18. Clancy J., Ummer F., Shakyia I., Kelkar G. 2007. Appropriate gender-analysis tools for unpacking the gender-energy-poverty nexus. *Gender & Development*, vol. 15, no. 2, pp. 241–257. DOI: 10.1080/13552070701391102.

19. Cowell R., Bristow G., Munday M. 2011. Acceptance, acceptability and environmental justice: The role of community benefits in wind energy development. *Journal of Environmental Planning and Management*, vol. 54, no. 4, pp. 539–557. DOI: 10.1080/09640568.2010.521047.

20. Endres D. 2009. From wasteland to waste site: The role of discourse in nuclear power's environmental injustices. *Local Environment*, vol. 14, no. 10, pp. 917–937. DOI: 10.1080/13549830903244409.

21. Fiorino D.J. 1990. Citizen participation and environmental risk: A survey of institutional mechanisms. *Science, Technology and Human Values*, vol. 15, no. 2, pp. 226–243. DOI: 10.1177/016224399001500204.

22. Fraser N. 1997. *Justice interruptus: Critical reflections on the 'postsocialist' condition*. New York, Routledge.

23. Gerring J. 2006. *Case study research: Principles and practices*. New York, Cambridge University Press.

24. Healy N., Barry J. 2017. Politicizing energy justice and energy system transitions: Fossil fuel divestment and a 'just transition'. *Energy Policy*, vol. 108, pp. 451–459. DOI: 10.1016/j.enpol.2017.06.014.

25. Healy N., Stephens J.C., Malin S.A. 2019. Embodied energy injustices: Unveiling and politicizing the transboundary harms of fossil fuel extractivism and fossil fuel supply chains. *Energy Research & Social Science*, vol. 48, pp. 219–234. DOI: 10.1016/j.erss.2018.09.016.

26. Jenkins K., McCauley D., Heffron R. et al. 2016. Energy justice: A conceptual review. *Energy Research & Social Science*, vol. 11, pp. 174–182. DOI: 10.1016/j.erss.2015.10.004.

27. Kowsari R., Zerriffi H. 2011. Three dimensional energy profile: A conceptual framework for assessing household energy use. *Energy Policy*, vol. 39, no. 12, pp. 7505–7517. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.06.030. Accessed 20 March

28. McCauley D. 2018. *Energy justice: Re-balancing the trilemma of security, poverty and climate change*. Cham, Palgrave Macmillan.

29. Middlemiss L., Gillard R. 2015. Fuel poverty from the bottom-up: Characterising household energy vulnerability through the lived experience of the fuel poor. *Energy Research & Social Science*, vol. 6, pp. 146–154. DOI: 10.1016/j.erss.2015.02.001.

30. Newell P., Bulkeley H., Turner K. et al. 2015. Governance traps in climate change politics: Re-framing the debate in terms of responsibilities and rights.

Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change, vol. 6, no. 6, pp. 535–540. DOI: 10.1002/wcc.356.

31. Newell P., Mulvaney D. 2013. The political economy of the ‘just transition’. *The Geographical Journal*, vol. 179, no. 2, pp. 132–140. DOI: 10.1111/geoj.12008.

32. Nicholls L., Strengers Y. 2018. Heatwaves, cooling and young children at home: Integrating energy and health objectives. *Energy Research & Social Science*, vol. 39, pp. 1–9. DOI: 10.1016/j.erss.2017.10.002.

33. Pachauri S., Spreng D. 2011. Measuring and monitoring energy poverty. *Energy Policy*, vol. 39, no. 12, pp. 7497–7504. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.07.008.

34. Petts J., Herd A., Gerrard S., Horne C. 1999. The climate and culture of environmental compliance within SMEs. *Business Strategy and the Environment*, vol. 8, no. 1, pp. 14–30. DOI: 10.1002/(SICI)1099-0836(199901/02)8:1%3C14::AID-BSE175%3E3.0.CO;2-4.

35. Rawls J. 1971. *A theory of justice*. Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press.

36. Schlosberg D. 2004. Reconceiving environmental justice: Global movements and political theories. *Environmental Politics*, vol. 13, no. 3, pp. 517–540. DOI: 10.1080/0964401042000229025.

37. Schlosberg D. 2013. Theorising environmental justice: The expanding sphere of a discourse. *Environmental Politics*, vol. 22, no. 1, pp. 37–55. DOI: 10.1080/09644016.2013.755387.

38. Sikor T., Newell P. 2014. Globalizing environmental justice? *Geoforum*, vol. 54, pp. 151–157. DOI: 10.1016/j.geoforum.2014.04.009.

39. Silva Ontiveros L., Munro P.G., Lourdes Melo Zurita M. 2018. Proyectos de Muerte: Energy justice conflicts on Mexico’s unconventional gas frontier. *The Extractive Industries and Society*, vol. 5, no. 4, pp. 481–489. DOI: 10.1016/j.exis.2018.06.010.

40. Sovacool B.K., Dworkin M.H. 2015. Energy justice: Conceptual insights and practical applications. *Applied Energy*, vol. 142, pp. 435–444. DOI: 10.1016/j.apenergy.2015.01.002.

41. Sovacool B.K., Heffron R.J., McCauley D., Goldthau A. 2016. Energy decisions reframed as justice and ethical concerns. *Nature Energy*, vol. 1, no. 5, pp. 1–6. DOI: 10.1038/nenergy.2016.24.

42. Sze J., London J.K. 2008. Environmental justice at the crossroads. *Sociology Compass*, vol. 2, no. 4, pp. 1331–1354. DOI: 10.1111/j.1751-9020.2008.00131.x.

43. Taylor D.E. 2000. The rise of the environmental justice paradigm. *American Behavioral Scientist*, vol. 43, no. 4, pp. 508–580. DOI: 10.1177/0002764200043004003.

44. Walker G. 2009. Globalizing environmental justice: The geography and politics of frame contextualization and evolution. *Global Social Policy*, vol. 9, no. (3), pp. 355–382. DOI: 10.1177/1468018109343640.

45. Walker G., Day R. 2012. Fuel poverty as injustice: Integrating distribution, recognition and procedure in the struggle for affordable warmth. *Energy Policy*, vol. 49, pp. 69–75. DOI: 10.1016/j.enpol.2012.01.044.

46. Walker G., Devine-Wright P. 2008. Community renewable energy: What should it mean? *Energy Policy*, vol. 36, no. 2, pp. 497–500. DOI: 10.1016/j.enpol.2007.10.019.

47. Watts M. 2004. Resource curse? Governmentality, oil and power in the Niger Delta, Nigeria. *Geopolitics*, vol. 9, no. 1, pp. 50–80. DOI: 10.1080/14650040412331307832.

48. Yenneti K., Day R., Golubchikov O. 2016. Spatial justice and the land politics of renewables: Dispossessing vulnerable communities through solar energy mega-projects. *Geoforum*, vol. 76, pp. 90–99. DOI: 10.1016/j.geoforum.2016.09.004.

49. Young J. 1990. *Post environmentalism*. London, Belhaven Press.

Статья поступила в редакцию 03.11.2025;
одобрена после рецензирования 08.12.2025;
принята к публикации 26.12.2025

The paper was submitted 03.11.2025;
approved after reviewing 08.12.2025;
accepted for publication 26.12.2025